

О ДРАЙ-ХМАРЕ М. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ДРАЙ-ХМАРА Михаил Афанасьевич, родился в 1890-х. В 1914 — окончил Киевский университет, оставлен при университете, как профессорский стипендиат, научной работой занимался в университете в Петрограде. С 1918 — проживал в Киеве, занимался научной работой на кафедре общего языковедения в Польском институте, на кафедре славистики в Лингвистическом институте, профессор-славист, заведующий славянской секцией при Киевской Академии наук. Женат на Нине Петровне Драй-Хмаре, в семье — дочь Оксана. В 1933 — арестован, позднее был освобожден, продолжил научную работу. В 1935 — вновь арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и в апреле 1936 — отправлен в Севвостоклаг.

ДРАЙ-ХМАРА Нина Петровна, родилась в 1890-х. Получила среднее образование. Проживала в Киеве, работала в учреждении. Вышла замуж за Михаила Афанасьевича Драй-Хмару, в семье — дочь Оксана. В апреле 1936 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<27 апреля 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

15.IV с<его> г<ода> мужа моего, ДРАЙ-ХМАРУ Михаила Афанасьевича, неожиданно выслали из Киева, не дав мне возможности снабдить его хотя бы предметами первой необходимости.

Муж мой украинский поэт и научный работник, был арестован еще 5.IX – 1935 года и сослан без суда приблизительно 15.IV – 1936 г<ода>. Положение его исключительно тяжелое, ввиду отсутствия одежды, белья, сапог, подушки, одеяла и буквально без копейки денег.

Так как такое лишение не входит в распоряжение власти, я считаю себя вправе просить Вас помочь мне в кратчайший срок разыскать своего мужа, потому что Киевское НКВД и Прокуратура не сообщили мне, куда выслан ДРАЙ-ХМАРА М. А., говоря, что им это неизвестно.

Обращаюсь к Вам письменно, так как не имею средств и возможности лично просить Вас об этом: я работаю, на руках у меня малолетняя дочь и больная старуха-мать, а средства мои весьма ограничены.

Прошу Вас, узнайте и сообщите мне, куда именно сослан мой муж, чтобы я возможно скорее могла выслать ему деньги и облегчить его трагическое положение. Я в отчаянии...

<подпись>

Мой адрес: Киев, Садовая, 1, кв. 5
ДРАЙ-ХМАРА Нина Петровна»¹.

В июне 1936 — Нина Петровна Драй-Хмара вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<14 июня 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Я в большом горе, я в отчаянии...

Приблизительно 15-16/IV с<его> г<ода> мой муж, Михаил Афанасьевич Драй-Хмара, выслан из Киева. Вот вкратце его биография: сын полтавского простого казака, <в> 1914 г<оду> окончил Киевский университет с золотой медалью за сочинение, был оставлен при университете, как профессорский стипендиат, стаж этот отбыл при Ленинградском Университете. С 1918 г<ода> работает в высших учебных

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1482. С. 121. Машинопись, подпись — автограф.

заведениях, как научный работник и профессор по специальности славист. До 1933 г<ода> имел кафедру общего языковедения в польском ин<ститу>те, кафедру славистики — в лингвистическом ин<ститу>те, заведовал славянской секцией при Киевской академии наук.

В 1933 г<оду> был арестован, но через три месяца освобожден "вчистую". Муж работал на литературном фронте, выступал, как поэт. В 1935 г<оду> 6/IX он был снова арестован органами НКВД УССР. В чем его, собственно, обвиняли, я не знаю. Правда, военный прокурор мне сообщил, что выделил моего мужа из группы профессоров, преданных военному суду, что его судить не будут, но дело его отправлено на рассмотрение в Москву, и тогда же прокурор сказал, что ему ставится в вину украинский национализм. И вот его выслали на 5 лет. Мне не дали возможность увидеть его перед отъездом, снабдив его необходимым в дорогу. Его увезли в полном лишении, без белья, одеяла, без постели и буквально без копейки денег. Только через месяц я узнала в НКВД, что он отправлен в Северо-Восточный лагерь, в г<ород> Владивосток. 9/VI я получила первую весточку от мужа из Читы. Сообщил, что во Владивостоке будет в первых числах июня, а куда направят не знает, возможно, на Колыму.

Такого ужаса я не в силах вынести. Вся моя надежда на Вас. Умоляю Вас, облегчите участь этого несчастного человека, заступитесь за него. Исходатайствуйте, чтобы его перевели ближе к нам из далекого, страшного далека. Я прошу Вас, если возможно, возбудить дело о пересмотре дела мужа. Он мне жаловался, что ему не дали возможности доказать свою невиновность, не дали использовать очные ставки, не дали возможность представить добавочные материалы. Поймите весь ужас моего положения: у меня девочка 13 л<ет> учится в музыкальной средней школе им<ени> Постышева при Консерватории для одаренных детей. Девочка часто хворает, терпит целый ряд лишений и к тому же сильно страдает и убивается об отца, которого очень любит. Мать-старуха от горя не слышит и плохо видит. Я работаю пом<ощником> бух<галтера>, жалованье мое 225 р<ублей> на м<еся>ц. С утра до ночи занята и заработать на всех не в силах. Чувствую, как здоровье, и без того плохое очень, с каждым днем убывает. Что будет с ребенком? Вот мучительный вопрос для матери. Умоляю Вас, не оставьте меня без Вашей помощи, ответьте мне. Дайте совет, как быть.

Н. Драй-Хмара.

Адрес: Киев, Садовая, 1, кв. 5»².

В июне 1937 — у Нины Петровны Драй-Хмара был отобран паспорт; в конце июня она была предупреждена о высылке с дочерью Оксаной из Киева в Казахстан на 5 лет. 2 июля 1937 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«2/VII – 37 г<ода>».

Друг и защитник обездоленных, Екатерина Павловна, обращаюсь к Вам с великой мольбой о помощи. Если человек приговорен к высшей мере наказания, с ним кончают сразу. Мое положение во сто крат хуже. Мне грозит медленная, мучительная, но неизбежная гибель и, что страшнее всего, в этот ад страданий я тяну свое единственное дитя. Нет тех слов, в каких описать Вам мои нестерпимые страдания матери. Что сейчас лучше для нее, иметь мать или не иметь никого?.. Меня лишили паспорта, меня высылают в отдаленные места без всякой на то с моей стороны вины. Я ужасно бедствовала 2 года... Сейчас меня лишают

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1482. С 119-120. Автограф.

последнего крова, меня разоряют, не давая даже необходимого срока на ликвидацию. Считаю незаконным действием отобрание у меня паспорта. Нет и не может быть у нас такого закона, по которому жены и дети осужденных объявляются вне закона. Прошу, умоляю Вас стать на нашу защиту, принять немедленные меры (дают 2-3 дня сроку) к прекращению нашего выселения из Киева в отдаленные места.

1) Я честная труженица, никогда ни в чем не повинная, от мужа материально не зависела, к его делу непричастна.

2) Дочь 14 л<ет>, учится в специальной средней муз<ыкальной> школе при консерватории для одаренных детей (единственная по типу школа в Союзе), где получает стипендию, как отличница;

3) Здоровье девочки не позволяет ей жить в климат<ических> условиях, резко отлич<ающихся> от настоящих;

4) Осенью она предназначена лечь на операцию;

5) Муж выслан не по суду и не причастен ни к каким организациям.

Прилагаю заявление на имя НКВД СССР и прошу Вас поднять пред ним ходатайство о нас и о приостановл<ении> высылки из Киева на основании вышеизложенного.

Помогите, помогите нам!

Н. Драй-Хмара»³.

К письму было приложено ее заявление на имя Н. И. Ежова

<2 июля 1937>

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ НКВД СССР
т<оварищу> ЕЖОВУ

пом<ощника> бух<галтер>а
2-го Стро<ительного> Треста
Гор<одского> Сов<ета> Киева
ДРАЙ-ХМАРЫ Нины Петровны,
Киев, Садовая, 1, кв. 5

Заявление

Решением М<осковского> Ос<обого> Сов<ещания> от 28/III-36 г<ода> мой муж, ДРАЙ-ХМАРА Михаил Афанасьевич, приговорен в исправ<ительно>-труд<овой> лагерь сроком на 5 лет от 5/IX-36 г<ода>. Его адрес: ДВК, Нагаево, Оротукан, Нерига. Он стахановец, отношение его начальства к нему самое лучшее, его работа отмечена похвалой и благодарностью с занесением в личное его дело. Очутился он в ссылке после предъявленного ему обвинения и находится в таких условиях, что ему не приходится думать о крове, о насущном хлебе, он отвечает за себя одного.

Во сколько же раз горше мое положение и чем я виновна в создавшемся. У меня 25/VI-37 г<ода> отобран паспорт. В НКВД мне сказали, что мне неминуемо грозит высылка органами милиции в отдаленные места.

Меня, без предъявления мне какой бы то ни было вины, лишают крова, работы, средств существования. Меня окончательно разоряют, давая на ликвидацию 2-3 дня. Меня административно высылают в далекий край совершенно без средств существования с 2-мя членами семьи.

Я не в силах осознать даже весь ужас своего настоящего положения. У меня мутится рассудок.

Я и ребенок обречены на гибель. Дочери 14 лет. Она хорошее советское дитя, 28/VI в пионерском санаторном лагере отмечена, как

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1587. С. 75. Автограф.

лучшая из лучших пионеров-активистов. Отлично учится в школе, получает за это стипендию. За что лишают ее права на специальное образование в средней муз<ыкальной> школе при Консерватории для одаренных детей, школе единственного типа в Союзе?

Нас выселяют из Киева единственно с целью забрать нашу жил<ищную> площадь, за которую меня терзали и мучили вплоть до терроризации более 2-х лет (началось еще при муже). Не прошло и 3-х м<еся>цев после ареста мужа, как в Обл<астной> милиции было сказано, что я предназначена на выселение. Отчаянная борьба за площадь тянулась, можно сказать, до последних дней. Еще в феврале 37 г<ода> пред<седатель> ЖСК заявил у Прокурора, что имеется секретное распоряжение, лишаящее меня права на площадь; в апреле 37 г<ода> секретарь жил<ищной> секции при Гор<одском> совете заявил мне, что я предназначена на выселение. Все это преследование меня за площадь велось не потому, что с моей стороны был какой-либо проступок или вина, а лишь потому, что у меня была прекрасная квартира, на которую посягали многие, в том числе и служащие Обл<астной> милиции (Гагжа). С меня требовали кварт<ирную> плату по ставке мужа и моей. Хотя суд постановил считать за мной одну комнату, с меня требовали за 2, давая установку жильцам, занявшим одну из комнат, не платить мне вовсе. Меня, таким образом, разоряли в течение 2-х лет. Мой заработок 225 р<ублей> <в> мес<яц>, а квартира обходилась в зимние м<еся>цы даже и по 135 руб<лей>. Я крайне бедствовала, живя в Киеве среди своих родных, что же меня ждет в чужой стороне.

Дочь моя больной ребенок. У нее хронически больны почки, весной этого года начался процесс в легких при температуре, расширен<ное> сердца, больны нервы (истерия, отнятие ног на этой же почве и др<>угое). Она постоянно находится под наблюдением лучших специалистов. Увезти ее из Киева, значит обречь на гибель.

Прошу и умоляю защитить наши законные права, не объявлять нас вне закона, не выселять из Киева в отдаленные места.

Н. ДРАЙ-ХМАРА.

2/VII-37 г<ода>.

г<ород> Киев, Садовая, 1, кв. 5»⁴.

7 июля 1937 — заведующий юридическим отделом Помполита подготовил для Екатерины Павловны Пешковой справку по положению членов семьи Драй-хмара.

<7 июля 1937>

«ДРАЙ-ХМАРА Нина Петр<овна> высылается из Киева (по делу мужа, ДРАЙ-ХМАРА Мих<аила> Афан<асьевича>, осужд<енного> в 35 г<оду> в Киеве и высл<анного> в Севвостлаг) с дочерью 14 л<ет>.

Она всю жизнь самостоя<ельно> работ<ала>, на иждив<ении> мужа не была. Дочь учится в спец<иальной> сред<ней> муз<ыкальной> школе при Консерватории для одаренных детей (единственная по типу школа в Союзе), получает стипендию, как отличница, слабого здоровья, осенью ей назначена операция.

Просит о пересмотре вопроса, о ее высылке, об оставлении дочери и о приостановлении высылки до пересмотра»⁵.

11 июля 1937 — Нина Петровна Драй-Хмара, получив телеграмму из Помполита, сразу же ответила Екатерине Павловне Пешковой.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1632. С. 45. Машинопись.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1632. С. 40. Машинопись.

<11 июля 1937>

«Мой друг и защитник, дорогая Екатерина Павловна!

Вашу телеграмму получила. Большое спасибо за заботу.

Здесь в Киеве не обращают внимания ни на что. Полагаю, что единственное, что может мне и моей дочери помочь, это непосредственное обращение к товарищу Сталину.

Я ему написала искренне, как умела, о своем горе.

Умоляю, Вас, не откажите еще и в этой моей просьбе, передайте мое письмо товарищу Сталину.

Садовая 1, кв. 5

Драй-Хмара. Н. П.»⁶.

Очевидно, ходатайство юридического отдела Помполита не помогло, Нине Петровне Драй-Хмара с дочерью Оксаной пришлось выехать в Белебей, причем, выезд был серьезно омрачен избиением Нины Петровны, о чем позднее она написала в Помполит⁷.

В июле 1938 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Оксана Михайловна Драй-хмара, дочь Нины Петровны Драй-Хмара.

<20 июля 1938>

«Дорогой товарищ Екатерина Павловна!

Мне только 14 лет, но я уже выслана за папу и состою на учете в Белебейском НКВД. 3 дня мы с мамой скитались по Белебею, но никто не хочет нам дать помещение. Тут нет комнат, нужно жить одной семьей с чужими нам людьми. Я даже не представляла себе, что нас ждет такой ужас. Мама говорила, что я все плакала во сне, а мне снилось то, что есть. Я хочу домой, а у меня его нет. Я хочу уехать куда-нибудь отсюда. Я хочу к папе далеко, далеко на север в Нагаево. Здесь все очень жестокие к нам. Мы не имеем квартиры, и куда мама не ходила просить работы, все ей отказывали. У нас осталось от дороги совсем немножко денег. Я знаю, что Вы добрая и всегда нам отвечали. Я решила написать Вам о нашем отчаянном положении. Вы даже не можете себе представить, как нам сейчас жить тяжело и жутко, и никого близкого с нами нет. Только Вы в Москве нам можете помочь. Я все крепилась, жалко было маму. Сегодня я уже не могу, меня что-то давит, давит; я стала много и подолгу плакать. Я так любила учебу. Была отличницей, получала стипендию, мечтала быть свободным художником, училась в прекрасной, единственной средней музыкальной школе для одаренных детей. Здесь мне негде учиться, за что мне это? Разве я не была лучшей из лучших пионерок?

Помогите нам! Сделайте так, чтобы нам разрешили переехать из Белебея в лучший город, где бы я могла учиться и играть.

Очень прошу Вас ответить на мое письмо по адресу Башкирия, город Белебей, почта до востребования, Оксане Драй-Хмаре.

С пионерским приветом!

Оксана.

Я забыла Вам написать, что маму в Киеве милиция побила, вещи наши выбросили на лестницу. Я уехала совсем больная. Что случилось с нашими вещами, мы ничего не знаем»⁸.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1587. С. 84. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1631. С. 81.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1632. С. 41-42. Автограф.